

ТУДА И ОБРАТНО

Чом света здесь оказывается лишь председатель колхоза Густерин — человек, правда, не без некоторых странностей.

О ПОВЕСТИ В. ТЕНДРЯКОВА «АПОСТОЛЬСКАЯ КОМАНДИРОВКА»

Редакция получила несколько писем, авторы которых выражают недоумение по поводу повести писателя В. Тендрякова «Апостольская командировка», опубликованной журналом «Наука и религия» в конце прошлого года. Мы попросили доктора философских наук И. Крывелева высказать свое мнение по этому вопросу.

НЕДОУМЕНИЕ авторов писем, с моей точки зрения, вполне правомерно. Напомним сюжет повести.

Тридцатидвухлетний московский журналист Юрий Рыльников, по специальности физик-теоретик, уверовал в бога. Он ушел с работы и, оставив жену и ребенка, уехал, куда глаза глядят, остановился в первом попавшемся колхозе, стал там работать землекопом. Через три недели, претерпев всяческие невзгоды и получив от жены презрительно-враждебное письмо, герой разочаровался в своих религиозных убеждениях и возвратился в Москву.

Все осложнения в мировоззрении Рыльникова начинаются с того, что после нескольких лет мыкания по «снимаемым» комнатам он получает хорошую квартиру, куда и въезжает с женой и дочкой. Именно эта вполне благоприятная ситуация и вызывает у героя необычные философские размышления: он стал задумываться о бренности жизненных благ и принялся искать им замену в духовных ценностях, лежащих за пределами нашего земного существования.

Обоснование такого презрения к материальным условиям жизни Рыльников развертывает впоследствии в своих дискуссиях с председателем колхоза Густериным и присутствующими при этом колхозниками. Он задает вопрос председателю:

— ...Вы верите, что когда-нибудь колхозник по утрам будет купаться в собственной ванне?

Тот совершенно убежден в этом:

— Верю, иначе был бы плохим председателем.

На это следует реплика:

— И я верую — будет. И пугаюсь этого.

Как раз тут бы собеседникам Рыльникова впору заинтересоваться состоянием его здоровья: не бредишь ли ты, братец? Но покоем на бред завлечение обрастает аргументацией и обретает знакомые черты определенной социально-экономической концепции.

— Добиваться жирных щей вместо щей пустых, водопровода вместо колодца, ванны вместо лохани — да, одаривать людей, но вместе с тем, увы, в чем-то и обворовывать их...

«Воровство» же заключается в том, что «если ты будешь сыт не только хлебом, но и пирожным и удобствами, вроде ванной да сортира в кафе, ты, возможно, и станешь еще чего-то желать, но уж наверняка не столь сильно, как прежде». Оказывается, «с белой ванной черненькая вода приходит», ибо «живущий впроголодь никогда не поверит, как тяжело ожирение»...

Блажен, следовательно, живущий впроголодь!

Герой В. Тендрякова отнюдь не первым выражает эти, по меньшей мере, странные идеи. В данной связи мы обращаем внимание, однако, не столько на социально-экономическую и политическую стороны этого вопроса, сколько на те мировоззренческие выводы, которые делает герой повести из приведенных утверждений.

Реальные земные блага, заявляет он, не дают ни счастья, ни нравственных ценностей. Человеку, мол, все равно предстоит раньше или позже умереть, поэтому вся его земная жизнь по существу бессмысленна. Назойливо повторяется мотив: «Конечная цель — могила», «жалкий бессмысленный холмик земли», куда неизбежно в

соответствующий момент будет упрятано «Я» Юрия Рыльникова вместе с «миллиардами других Я». А выход из этого неприятного положения оказывается единственным: вера в бога.

Шесть десятилетий назад мистики и мракобесы, такие как Мережковский, приводили для опровержения марксизма именно эти, с позволения сказать, аргументы. Тогда же они были не только опровергнуты, но и высмеяны В. И. Лениным и Г. В. Плехановым. Теперь В. Тендряков заставляет своего, как он старается представить читателю, умного и образованного героя, современного советского интеллигента, повторять эти оппортунистские фокусы и не только не развенчивает их, а, наоборот, подает, можно сказать, всерьез.

Рыльникову бог нужен по многим причинам, которые автор повести подробно излагает. Все это — мнимые основания, бесчисленное количество раз повторявшиеся апологетами религии и убедительно опровергавшиеся атеистами всех времен, начиная с Эпикура. Правда, в наши дни появилось кое-что новое, особенно обеспокоившее героя: в свете новейших космологических открытий ему стало непонятно, почему Вселенная такая большая, и кому она нужна такая, да и зачем и кому нужен он сам, Юрий Рыльников?

ДЛЯ ОКОНЧАТЕЛЬНОГО выяснения не дающих ему покоя вопросов Рыльников читает Библию. Вначале его кое-что шокирует в ней, и прежде всего ветхозаветный бог — «мелочномнительный, болезненно-тщеславный, беспощадно жестокий и ничтожный». Но он тут же находит полную компенсацию в новозаветном Христе, который учит любви, воздаянию добром за зло и т. д. Возникает вопрос: можно ли создать «для себя» образ бога, состоящий из одних благопристойных черт? «Нет, не может быть бога для себя... не пытайся выдумать какую-то новую карманную религию для индивидуального пользования, принимай ту, какая есть».

Чтобы приобщиться к этой религии «общего пользования», Рыльников и отправляется в деревню. Там он попадает в обстановку, которой совсем не ожидал. Верующими оказываются лишь несколько старух, одна из которых, церковная старостиха, властная и фанатичная, не вызывает никаких симпатий у новообращенного. В роли священника подвизается какой-то недоросль-истерик, подверженный искушениям зеленого змия. К тому же этот «поп Володька» требует от Рыльникова нерассуждающей веры во все православные догматы, как и в истинность всех библейских мифов, включая самые конфузно-фантастические. Но Рыльников хотел бы более «просвещенной», модернизированной веры, за что попрагает его дьяволом и другими нехорошими словами.

Герою повести, однако, приходится переживать и более крупные неприятности — с другой, можно сказать, противоположной стороны.

Мало того, что к нему по достаточному понятным причинам настороженно относятся колхозники, с которыми он вместе работает, особенно молодежь. По воле автора герою приходится испытывать и «гонения за веру». Главную роль при этом играет председатель сельсовета Ушатков, — такая мрачная, почти зловещая фигура. Лу-

Одним из центральных событий, играющих роль в развитии сюжета, является насильственный привод Рыльникова в клуб на атеистическую лекцию и его вынужденное выступление с трибуны.

Приведенный под строгим конвоем в клуб, Рыльников выходит на сцену и произносит речь, по поводу которой председательствующий Ушатков заверяет собравшихся, что «мы этого без последствий не оставим, доведем до сведения кому нужно, что нужно предпримем». Ничего, однако, предпринять не нужно было, ибо Рыльников уже начал «перековываться». «За ночь я пришел к выводу: любая вера — глупость». Новоявленному богоскателью вдруг становится «странно и стыдно»...

Бывает, конечно, что и размышления одной ночи способны произвести переворот в душе человеческой. Но задача автора, изображающего такой переворот, заключается в том, чтобы показать его правомерность, обосновать его психологическую неизбежность и достоверность. Тем важнее это было в данном случае, когда движение героя «к богу» было прослежено автором столь тщательно. А обратное движение так и осталось не объясненным и не мотивированным.

Пространно и старательно, с претензиями на неопровержимую логичность, воспроизводятся в повести аргументы в пользу бытия бога и истинности религии, находящиеся на вооружении ее апологетов с давних времен и до наших дней. И чрезвычайно скуп, обрывочен, необудительно дана контраргументация. Процесс превращения атеиста в верующего изображен с ясно выраженным стремлением к тому, чтобы довести до читателя идею правомерности такой духовной эволюции героя. Возврат же Рыльникова к атеизму выглядит необоснованно и неправдоподобно. Какие-то обрывки мыслей и аргументов, перебиваемые противоположно направленными размышлениями, восклицаниями и междометиями...

И над всем господствуют «движения души» вовсе не идеального и не логического, а житейского и эмоционального свойства. Заскучал человек по жене, по Москве: «Хочу домой, хочу покоя, хочу любви Инги, хочу рассказывать дочери сказки, хочу быть прежним!». Вот основное побуждение к тому, чтобы вернуться в «атеизм».

Хотел или не хотел этого автор, но у неискушенного читателя должно сложиться впечатление, что к религии-то герой повести пришел всерьез, а к атеизму вернулся лишь потому, что захотелось прежней жизни — удобной, приятной и накатанной.

Когда выясняется, что Рыльников собирается уезжать, Густерин, еще не зная, что тот уже поколебался в своей вере, делает ему довольно странное предложение: остаться в колхозе, так как председателю, оказывается, «очень нужен человек с независимым характером». Кроме сбившегося с пути и случайно забредшего в эти места «бывшего атеиста», во всей округе не видит Густерин такого человека — все обезличенные, безгласные люди. Неужели и автор вот так же представляет себе колхозную деревню?

Недоумение вызывает не только тот горчичный факт, что талантливый писатель В. Тендряков написал неудачную повесть, но и то, что ее напечатал журнал, призванный с научных позиций вести последовательную борьбу против религии, как чуждой нам идеологии.

И. КРЫВЕЛЕВ.